

УДК: 94 (470) "1917/1921"

Кустов В. А.

к.и.н.

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ КРЫМСКОГО КРАЕВОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА И КОМАНДОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ
(НОЯБРЬ 1918 – АПРЕЛЬ 1919 гг.)**

В статье рассматриваются приоритеты Второго Крымского краевого правительства и командования Добровольческой армии по важнейшим вопросам внешней политики антибольшевистского движения в ноябре 1918 – апреле 1919 гг. Анализ внешнеполитических разногласий между сторонами наглядно показывал ошибочность имевшихся расчетов консолидировать на основе единого международного курса крайне неоднородный по своему составу лагерь противников Советской власти. Невозможность выработки согласованной политической программы, сохранявшиеся тенденции к серьезной идейной разобщенности, в том числе и в сфере международных отношений, по мнению автора, стали одними из важнейших причин поражения антибольшевистского лагеря в кровопролитной Гражданской войне.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Второе Крымское краевое правительство, Особое Совецание при главнокомандующем Добровольческой армии, внешнеполитические противоречия.

Радикальное изменение международной ситуации, связанное с поражением Германии в мировом противостоянии и стремительное разрастание Гражданской войны на территории Российского государства, поставило перед антибольшевистским движением совершенно новые внешнеполитические цели и задачи. За относительно короткий промежуток времени противникам Советской власти необходимо было добиться расширения военной и экономической помощи со стороны стран Антанты, разработать единую позицию по основным международным приоритетам, и, наконец, заручившись дипломатической поддержкой союзников, обеспечить полноправное участие российской делегации в предстоящей мирной конференции. Между тем даже работа над реализацией уже согласованной внешнеполитической стратегией, как показывает деятельность гражданской администрации А. И. Деникина и второго Крымского краевого правительства не исключала возникновения серьезных конфликтов и противоречий в довольно пестром по своему составу антибольшевистском движении.

15 ноября 1918 г. при содействии губернского земского собрания в Симферополе было сформировано второе Крымское краевое правительство. В отличие от склонной к сепаратизму и ориентированной на немцев администрации генерала С. Сулькевича, новый кабинет министров сразу же подтвердил приверженность «возрождению единой России», «верности союзникам» на международной арене [4, с. 128-130].

Безоговорочное следование главным принципам белого движения способствовало быстрому налаживанию контактов крымского правительства с командованием Добровольческой армии. В переписке с Симферополем генерал А. И. Деникин обещал не вмешиваться во внутренние дела Крыма и оказывать всестороннюю военную поддержку [3, с. 97-98]. Кроме того, первоначально казалось, что дальнейшему сближению позиций и более тесному взаимодействию будет способствовать и партийная принадлежность многих министров двух антибольшевистских правительств. Как известно, основу симферопольского кабинета составили представители левого крыла конституционно-демократической партии. Председателем правительства и главой министерства земледелия был назначен видный

земский деятель С. С. Крым, руководителем министерства внешних сношений стал М. М. Винавер, министерства юстиции – В. Д. Набоков, министерства внутренних дел – Н. Н. Богданов. Именно они определяли политическое лицо кабинета и на них ориентировались другие министры.

В то же время, начиная с сентября 1918 г. кадеты получили целый ряд постов и в составе Особого Совецания, созданного при главкоме Добровольческой армии. Так, К. Н. Соколов возглавил Отдел законов и пропаганды, В. А. Степанов – службу Государственного контроля, В. Н. Челищев – Управление юстиции. В качестве министров без портфелей в гражданскую администрацию генерала Деникина вошли члены Центрального Комитета кадетской партии Н. И. Астров и М. М. Фёдоров. Однако вскоре выяснилось, что если правоориентированные конституционные демократы, занимавшие влиятельные посты в правительственных структурах при белых генералах, считали возможным временно «припрятать» свои партийные идеалы и согласиться, по меткому выражению лидера кадетов П. Н. Милюкова, с «неблагодарной ролью либерального политического прикрытия» [5, с. 133], то левое течение кадетской партии категорически не желало подстраиваться под настроения военных и отказываться от традиционных демократических установок, полагая, что они должны оставаться в числе главных ориентиров для всего антибольшевистского движения.

Поэтому появление разногласий между Крымским краевым правительством и командованием Добровольческой армии было, наверное, делом времени. Гораздо больший интерес вызывает то обстоятельство, что довольно неожиданно предметом первых острых дискуссий, серьезно подорвавших доверие сторон друг к другу, стала сфера внешней политики.

С завершением военных действий на европейском континенте для антибольшевистского движения окончательно утрачивает свою актуальность вопрос о выборе внешнеполитических союзников, уходят в прошлое споры по поводу проантантовской и прогерманской ориентации. Самой насущной проблемой становится подготовка к предстоящему мирному конгрессу, который должен был решить судьбу послевоенного устройства Европы и обеспечить достойное место России в новой системе международных отношений. Требовалось ни много ни мало добиться полноценного участия русской делегации в парижской конференции, чтобы отстоять великодержавный статус страны, ее территориальную целостность, национальные интересы и будущее развитие.

Министры крымского правительства одними из первых включились в процесс подготовки белого движения к участию в переговорах о мире. Глава внешнеполитического ведомства М. М. Винавер предложил проект международного представительства России, полагая, что это будет одна из сложных проблем, учитывая отсутствие общепризнанной и легитимной власти. «На вопрос: кто должен представлять Россию, – вспоминал М. М. Винавер, – легко было дать отрицательный ответ: не большевики. Труднее было указать положительно: а кто же, если не большевики. Единый, небольшевистской России не было» [1, с. 23].

За основу проекта краевого правительства были положены решения екатеринодарской конференции конституционно-демократической партии, принятые в конце октября 1918 г. Приоритетной задачей внешней политики на конференции провозглашалось восстановление суверенитета Российского государства над всей территорией, входившей в состав до 25 октября 1917 г. [7, с. 44] Именно этот тезис и должен был сплотить новоявленные «государственные образования», которые очень часто с большим трудом находили друг с другом общий язык. В резолюции, посвященной международным отношениям, говорилось, что в случае отсутствия единого общенационального правительства к моменту созыва мирного конгресса, должно быть образовано коалиционное представительство, объединившее все антибольшевистские силы [7, с. 30-31].

Следуя согласованным партийным установкам, М. М. Винавер предлагал включить в состав российской делегации представителей разных политических направлений, оппозиционных Советской власти. Такой шаг обеспечил бы переговорщикам необходимую поддержку внутри страны, а также авторитет и признание со стороны союзников. По его мнению, необходима была независимая, компетентная структура, способная выстраивать эффективные отношения со странами Антанты и активно отстаивать российские интересы. Делегация наделялась довольно широкими полномочиями, включавшими назначение дипломатического корпуса, участие «в полном составе или через отдельных делегатов» в переговорном процессе, заключение политических и экономических международных соглашений [2, ф. 5881, оп. 2, д. 525. л. 14].

Согласно крымскому проекту, гражданская администрация Добровольческой армии рассматривалась в качестве главного общенационального центра юга страны, которой отводилась особая роль при подготовке к международному конгрессу. Особому Совещанию А. И. Деникина следовало наладить взаимодействие белых правительств в сфере внешней политики, согласовать программу действий, выступить инициатором создания объединенной делегации.

В сжатые сроки разработанный М. М. Винавером проект был представлен главе внешнеполитического ведомства С. Д. Сазонову и потом передан на рассмотрение специальной комиссии под руководством председателя Особого Совещания А. М. Драгомирова. Первоначально предложения симферопольского министра иностранных дел устроили гражданскую администрацию Добровольческой армии и поступили на дальнейшее утверждение генералу А. И. Деникину [1, с. 30-31].

18 ноября 1918 г. из Екатеринодара была отправлена телеграмма на имя министра внешних сношений Крымского краевого правительства М. М. Винавера с предложением назначить постоянного делегата от Крыма в состав созданного при Особом Совещании «Совета по делам внешней политики». Подобные телеграммы получили кубанское и донское правительства, позднее в Совет должны были войти представители от Терской области и «всех областей, объединенных под властью Омского правительства» [2, ф. 446, оп. 2, д. 46, л. 41-42].

Казалось, идеи симферопольского кабинета министров стали воплощаться в жизнь. Но вскоре выяснилось, что деникинское положение о «Совете по делам внешней политики» и проект М. М. Винавера не одно и то же, а два совершенно разных документа. Внесенные в самый последний момент изменения и по сути, и по содержанию существенно исказили основополагающие принципы крымского варианта. В результате увеличилось с четырех до шести человек число представителей от Добровольческой армии, в то время как Дон, Кубань и Крым по-прежнему делегировали только по одному представителю. Понижался статус Совета, он учреждался не при главнокомандующем, а при управляющем иностранными делами Особого Совещания. Но главное – упразднялась независимость Совета от руководителей деникинской администрации, решения принимались не большинством голосов, как в варианте М. М. Винавера, а поступали на рассмотрение главному Добровольческой армии [2, ф. 446, оп. 2, д. 46, л. 41–42; 6, с. 70].

Стремление Особого Совещания при генерале А. И. Деникине поставить международную сферу под полный контроль натолкнулось на решительное противодействие Дона и Кубани. Именно из-за принятых дополнений документ утратил всю привлекательность для остальных правительств и стал основной причиной появившихся разногласий. Атаман П. Н. Краснов прислал довольно резкий ответ, потребовав уравнивать в правах всех представителей, и заявив, что не может доверить интересы Дона таким людям как С. Д. Сазонов. Кубанское правительство, также желая ограничить влияние Добровольческой армии в Совете, запросило для себя право вето [2, ф. 446, оп. 2, д. 28, л. 294-294 об]. Требования непокорных областей А. И. Деникин попросту проигнорировал. «Совет по делам внешней политики» так и остался на бумаге.

Что касается Крымского краевого правительства, то его реакция была самой сдержанной. Реализация проекта даже в измененном виде, по мнению М. М. Винавера, могла дать положительные результаты. «Пустота все же была бы заполнена и некий шаг к сближению между частями России был бы сделан» [1, с. 32], – полагал министр внешних сношений. Лояльность Крыма в Добровольческой армии расценили, как безоговорочную готовность следовать за ее внешнеполитическим курсом. Такой ничем неподкрепленный вывод привел вскоре к резкому обострению противоречий по вопросам внешней политики, надолго подорвав взаимное доверие.

В середине декабря 1918 г. А. И. Деникин поручил представлять Юг России на мирной конференции в Париже единолично С. Д. Сазонову. Главнокомандующий Добровольческой армии хотел видеть бывшего царского министра иностранных дел единственным делегатом от антибольшевистских сил [5, с. 99-102].

Между тем в руководство екатеринодарской администрации хорошо понимало, какие сложности могут появиться в ходе мирного конгресса, если не принимать во внимание позицию других участников белого движения. Входивший в Особое Совещание член Центрального Комитета кадетской партии, убежденный сторонник политики Деникина, К. Н. Соколов писал: «Присутствие в Париже эстонских, грузинских, латышских и азербайджанских делегатов было неизбежным злом. Появление там рядом с делегатом Добровольческой армии делегатов сибирских, крымских, донских, кубанских, было бы уже скандалом, которого надо было избежать во что бы то ни стало» [6, с. 70]. Однако, Особое Совещание не сделало ничего, чтобы предотвратить наихудший сценарий развития событий. Генералы Добровольческой армии не желали признавать право других правительств представлять интересы России.

Прямолинейная политика деникинского правительства произвела тяжелое впечатление на крымских министров. В очередной раз краевой кабинет был поставлен перед свершившимся фактом. Недоумение вызвала и формулировка полученной телеграммы. Крыму предлагалось «подтвердить свое согласие» на назначение Сазонова, хотя никакого предварительного согласия не давалось, и этот вопрос никогда правительством не обсуждался. Признание антибольшевистским движением Сазонова и в его лице всей Добровольческой армии в качестве единственной преемницы распавшейся державы фактически предоставляло монополию на осуществление внешней политики.

Левый фланг кадетской партии на Юге России был решительным противником такого шага. В частности, почетный председатель ЦК И. И. Петрункевич настоятельно советовал членам крымского кабинета ни в коем случае не соглашаться с предложением Деникина: «Вы работали над тем, чтобы обезвредить наличие царского министра и дать ему надлежащее окружение, а не для того, чтобы выдвигать его как единоличного представителя» [1, с. 35].

17 декабря проблемы внешней политики оказались в центре внимания Крымского краевого правительства. Позиция, озвученная главой внешнеполитического ведомства, была единодушно одобрена министрами кабинета. В ответной телеграмме правительство, не возражая против права Добровольческой армии возглавить международное представительство России на мирной конференции, потребовало заменить С. Д. Сазонова расширенной делегацией [2, ф. 446, оп. 2, д. 46, л. 44–45].

Для А. И. Деникина, считавшего крымский вопрос давно и благополучно разрешенным, реакция Симферополя стала полной неожиданностью [3, с. 102–103]. Начались интенсивные телефонные переговоры. Несмотря на то, что и со стороны крымского правительства, и со стороны Добровольческой армии их вели члены конституционно-демократической партии, сгладить появившиеся противоречия не удалось. Все чаще организационная разобщенность партии сказывалась на ее идейной целостности. Кадеты, входившие в состав Особого Совещания, предпочли внешнеполитический курс Деникина, который в данном случае не соответствовал решениям, принятым

екатеринодарской конференцией. Н. И. Астров находил, что проект создания делегации, объединившей все государственные образования, будет противоречить принципу единого представительства и окажется в конечном итоге не в состоянии выполнять свое назначение [2, ф. 446, оп. 2, д. 46, л. 41-42].

Официального ответа от Добровольческой армии так и не последовало. Ни Екатеринбург, ни Крым к вопросу о представительстве больше не возвращались. Никому не нужный конфликт попросту замяли, желая сохранить хотя бы видимость единства.

Между тем, следует отметить, что проект международного представительства российской делегации на мирной конференции, предложенный руководителем внешнеполитического ведомства Крымского краевого правительства М. М. Винавером оказался более жизнеспособным. В конечном итоге из-за отсутствия общепризнанного русского правительства было принято решение о создании коалиционного органа, который бы включал представителей всех крупных течений антибольшевистского лагеря. К середине января 1919 г. Особое Совещание при А. И. Деникине и омское правительство А. В. Колчака подтвердили полномочия созданной делегации, получившей название Русского политического совещания. Вместе с бывшими царскими министрами иностранных дел С. Д. Сазоновым и А. П. Извольским в РПД вошли: председатель Архангельского правительства, революционер-народник Н. В. Чайковский, эсер Б. В. Савинков, экс-министр коалиционного Временного правительства А. И. Коновалов, член Национального центра П. Б. Струве, российские послы в странах Запада (В. А. Маклаков, И. Н. Ефремов, К. Н. Гулькевич, Б. А. Бахметев, М. А. Стахович). Возглавил Русское политическое совещание бывший премьер-министр Временного правительства князь Г. Е. Львов. Правда, ни одну из поставленных внешнеполитических целей РПД так и не выполнило, и Парижская мирная конференция прошла без официального участия представителей России.

Таким образом, сохранявшиеся тенденции к идейно-политической разобщенности антибольшевистских сил, характерные для всего периода Гражданской войны, так и не были преодолены, оказывая влияние на разработку и реализацию внешнеполитических установок белых правительств. Общие стратегические приоритеты – «борьба с большевизмом», создание «единой и неделимой России», восстановление великодержавного положения страны на мировой арене не смогли в полной мере консолидировать антибольшевистское движение. Существующие противоречия во внешней политике дополнялись еще большими конфликтами и противоречиями по национальному, аграрному и многим другим значимым вопросам. Отсутствие возможности выработать согласованную политическую платформу, вместе с целым рядом иных нерешенных задач, были одной из главных причин поражения противников Советской власти в кровопролитной Гражданской войне.

Литература

1. Винавер, М. М. Наше правительство: Крымские воспоминания (1918-1919) / М. Винавер. – Париж : Imprimerie d'art Voltaire, 1928. – 240 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. Деникин, А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. – 1994. – №7.
4. Крымское краевое правительство в 1918 – 1919 гг. // Красный архив. – 1927. – Т. 3 (22).
5. Милюков, П. Н. При свете двух революций // Исторический архив. – 1993. – № 1-2.
6. Соколов, К. Н. Правление генерала Деникина: Из воспоминаний. / К. Соколов. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. – 304 с.
7. Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 3. – Кн. 2. – 248 с.